

Андрей Головнёв
О КВАДРАТЕ КУЛЬТУРЫ

фр. из книги Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: издательство УрО РАН, 1995

«Деятельность человека распределяется в двух основных сферах — природной и общественной. В отношении человек-природа реализуется хозяйственная деятельность, в отношении человек-общество — социальная. Способом хозяйственной деятельности служат экологическая и материальная сферы культуры, социальной — нормативная и духовная.

Экологическая культура представляет собой знание природных условий деятельности: ландшафта, флоры, фауны, акватории, климата, метрологии, хронологии, астрологии. Материальную культуру составляют созданные или приобретенные человеком вещественные средства жизнедеятельности: жилище с утварью и интерьером, хозяйственные постройки, одежда, транспорт, пищевые продукты, орудия труда. В нормативную культуру входят общественные устои, выраженные в стереотипах межэтнического и межгруппового общения, идеологических и правовых установках относительно власти, войны, суда, собственности; в принципах экономических связей по производству и в производстве (в хозяйственных объединениях, торговле, обмене, распределении); системе регламентации брачно-родственных отношений, обрядово-ритуальном комплексе, этике. Духовная культура — это средства самореализации личности на языке понятий, символов, образов, выражающихся в представлениях о душе и теле, о душе и духах, о душе и Боге, в искусстве сказителей, песенников, поэтов, музыкантов, художников, в творчестве мастеров-ремесленников, врачей, ученых, в деятельности шаманов, отчасти жрецов, священнослужителей различных конфессий, в эстетике.

В двух сферах деятельности человек выступает как субъект, природа или общество — как объект. При этом объектная среда оказывает адаптивное воздействие на человека, вынуждая его знать, приспособляться, подчиняться, «уметь себя вести». Объектные сферы — экологическая и нормативная, сходны по структуре и взаимосвязаны:

нормативная в древности вышла из недр экологической, а затем последовательно ее поглощала (ныне многие нормы природопользования имеют вид социальных установок).

Первоначальной объектной средой для человека была природа, тогда как общество выступало лишь вспомогательным изменчивым средством деятельности организации. Общество и его нормативы возникали как разрастающаяся система запретов, изначально имевших сугубо экологический (промысловый, природоохранный, гигиенический, физиологический и др.) смысл. Например, экзогамия, как средство противления инцесту, родилась из наблюдений за животным (зверино-человеческим) миром отношений и в то же время явилась первым социальным табу.

Человеческое общество — лишь одна из моделей экосоциальности живой природы. Альтернативны ему стаи и стада млекопитающих, косяки рыб, стаи птиц, термитники, муравейники, пчелиные ульи и т. д. В основе этих объединений лежат инстинкты страха и самосохранения, продолжения рода, насыщения. Сообщества людей приобрели усложненный облик благодаря совмещению функций стадности (страха-самосохранения) и стайности (агрессии-насыщения). Началом очеловечения травоядно-хищной гоминидной среды было появление личности, рождение субъектной культуры.

Позднее общественная среда все более перекрывала природную. Путь от пещеры к городу сопровождался преобразованием экологической ниши в социальную, экологическая культура подверглась социализации и политизации. Например, знания ильменских словен о почвах и водостоках конституировались в новгородские ограничительные нормы по выкапыванию колодцев, погребов, фундаментов домов; во многих странах системы счисления годового цикла преобразились в общественные нормативы торжественных сезонных ритуалов; установки рационального природопользования (ограничения промыслов, лесозаготовок и т. д.) стали сферой государственной политики.

Нормативная культура, поглощая экологическую, деформирует отношение человек-природа. Современные нормативные (урбанистско-индустриальные) структуры одинаково бесчеловечны и денатуральны; общество оказалось способно наносить ущерб и человеку, и природе, и их союзу. Долгожданное господство общества над природой

обернулось сегодня ожиданием (отчасти, и наступлением) экологической катастрофы.

В неменьшей степени, чем экологическая и нормативная, взаимно связаны субъектные области культуры: духовная и материальная. Для традиционных (ранних) культур провести грань между ними вообще проблематично; к примеру, в жилище славян, ненцев или тюрок воплощено столько символики, что оно предстает скорее «космосом», чем «убежищем для плоти»; о высоком семиотическом статусе посуды свидетельствует богатая орнаментация древней керамики, обряды гадания и ворожбы на чашах, ковшах, котлах; пищевые ритуалы до сих пор показательны (в исламе, иудаизме и других религиях) для различения «своих» от «чужих», «чистых» от «нечистых»; еще недавно «по одежке» встречали у русских, хоронили в лодках у хантов, опознавали по оружию у индейцев и т. д. В ранних культурах вещи олицетворяли человека при жизни и погребались вместе с ним посмертно. При этом их обычно подвергали преднамеренной порче (протыканию, надламыванию и др.), из них «выпускались» души, сопровождавшие дух хозяина в потусторонних странствиях. Духовность вещи в ритуале преобладала над ее материальностью.

Собственно первая вещь, ставшая очеловеченной (изготовленное рубило, обработанная шкура, сваренная пища), была отделена от природы сознанием. Материально она могла быть едва отличима от естественного предмета или попросту являться таковым. Однако эта вещь обладала смыслом, вложенным в нее человеком. Весь исходный фонд материальной культуры был составлен из одухотворенных «кусков» природы. Иначе говоря, первоначальный духовный статус вещи был предельно высок, материальный — равен или близок нулю; материальная культура рождалась в духовной сфере.

Позднее, с выделением хозяйственных отраслей, специализацией деятельности, ростом торговли, пролегли грани между изготовителем — вещью — потребителем. Отныне одежда или лодка стали воплощением не характера их владельца, а умений мастера-ремесленника. Отчуждение вещей сопровождалось снижением их семиотического статуса. Обозначилось разделение субъектной культуры на духовную и материальную. В дальнейшем промышленный бум и связанная с ним стандартизация вещного мира привели к

обезличению материальной культуры. Вещь перестала олицетворять человека, сделавшись показателем его материального и социального положения. Разорвавший «путы» духовности материальный мир обрел глобальную самооценку, начал разрастаться в нечеловеческих объемах и, наконец, материализовал самого человека. В новое время оформилась материалистическая идеология, признающая первенство вещиности и объектности над духовностью и субъектностью.

Помимо взаимосвязей сфер культуры по признаку субъектности-объектности, прослеживается их соотношение в деятельностном измерении. Средства хозяйственной деятельности составляют экологическую и материальную области культуры. Первоначально хозяйство велось исключительно или преимущественно посредством экологических навыков, а единственным предметом материальной культуры было тело человека. До становления специализированного ремесла и торговли материальная сфера была производной от экологической: жилища, одеяния, орудия труда изготовлялись из «подножного» сырья и органично вписывались в природную нишу. Со временем плоть человека отделялась от естественной среды все большим числом заслонов и прикрытий. Город стал первым поселением, не столько встроенным в экологическую нишу, сколько надстроенным над ней. Материальная культура впервые обнаружила большее тяготение к социальной, нежели экологической среде. Появление машин означало следующий надприродный шаг движения материальной культуры, когда силы стихий и человека были заменены «самодвижением» механизмов. Научные изобретения в физике и химии привели к становлению суперприродной энергетики, замене естественного сырья искусственным. К XX в. экологическая культура оказалась во многом перекрыта материальной, а последняя была переориентирована с природного «заказа» на социальный. К настоящему времени экологическая культура сужена до неузнаваемости и сжата до предельного напряжения, достигнута критическая точка господства материальной сферы над экологической.

Средства социальной деятельности — духовная и нормативная области культуры. Истоки нормативов уходят в экологическое поведение стайно-стадного предчеловека. С происхождением духовности связано появление собственно человека. Рождение первой

мысли было и остается величайшим таинством истории, хотя каждый человек в младенчестве испытывает этот таинственный миг прозрения.

Известно, что качеством, отличающим человека от прочих думающих животных, является рефлексия — способность осознать мысль, «поймать себя на мысли», мысль в квадрате. Она и позволила человеку не просто применить камень как орудие, но и обработать (изготовить) его, не только обжечься огнем, но и согреться возле него, не только воспользоваться предметом, но и присвоить его. «Мысль о мысли» могла сложиться только при двойном восприятии, удвоенном внимании, двойственном поведении. Стадность и стайность человека предопределили ему «двойную жизнь»; люди с детства вели двойную игру в травоядных-хищников. Человек-хищник был наделен страхом травоядного, человек-травоядный — агрессией хищника. Он одновременно подавлял и подчинялся, нападал и защищался, внушал страх и испытывал его. Он воспринимал двойность своего отношения к миру и двойственность отношения мира к себе. Он жил в квадрате ощущений, балансировал на тревожной грани между ними и, наконец, очертил эту грань.

Гранная черта стала мерилom, ритмом, контуром. В диалоге с осознаваемым миром человек расчертил его на свое — чужое, верх — середину — низ, мужское — женское и т. д. Свое, выделенное из окружающего, освоенное, присвоенное явилось колыбелью духа. Личное (субъективированное) стало сверхприродным: камень — необычно удобным, жилище — необычно теплым. Первая «необычность» (относительно естественных условий) была произведена на свет личностью, и этим чудом была она сама. Гранная черта отделила человека от окружающей среды, обозначив соотношение: центр — Я, периферия — Мир.

Самопознание и очеловечение окружающего мира выразились в духовной культуре. <...> Человек одухотворил мир.

<...> Становление духовной культуры означало появление и развитие культуры вообще. Совершенствование всей системы жизнеобеспечения привело к численному росту населения. За этим последовали учащение столкновений, нарастание соперничества между группами людей, формирование политических союзов, центр тяжести

страха-агрессии переместился из природной сферы в социальную. Возникло понятие общественной (политической) собственности, повысился статус территориальных и социальных границ.

Внутреннее было подавлено внешним: культ очага уступил первенство культу небесного огня, человеческая душа покорилась внечеловеческим духам, шаман-сверхчеловек превратился в жреца-служителя божества, импровизация сменилась канонами и ритуалами. Если шаманство представляло собой безбрежное творчество, то политизированным религиям свойственны догматика вероучения (ортодоксия) и строгость в обрядности (ортопраксия). Само понятие о душе подверглось догматизации и нормативизации. На место непосредственного общения пришло опосредованное (писаными законами, религиозными нормами). Сложилась межгрупповая политическая иерархия (кастовость, классовость). Общественные структуры одержали верх над человеческими отношениями.

<...> В настоящее время «квадрат культуры» напоминает перекошенный крест. В нем идет решающее противоборство: союз человека и природы противостоит союзу машины и общества. Стремительный рост опосредованности общения граничит с индивидуализацией сознания; общество плодит нормативы, а человек не желает (не успевает) им следовать; общественным безумием порождается человеческое прозрение»¹.

Вопросы к тексту:

1. *В каких сферах культуры человек выступает как субъект, в каких — как объект?*
2. *Как экологическая сфера «перетекала» в соционормативную?*
3. *Почему, на ваш взгляд, выделяется экологическая сфера, если она связана как с жизнеобеспечением человека, так и соционормативной культурой?*
4. *Как взаимосвязаны природная и общественная сфера в деятельности человека?*

¹ Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. — Екатеринбург: издательство УрО РАН, 1995. С. 21-27.

Вадим Гриценко ЛЁШИНЫ ПОЕЗДКИ

Дело было, кажется, в ноябре. В обычный, будний день по причине, которая ему не запомнилась, Лёша оказался дома, а не в школе. То ли простужен был, то ли ещё что-то.

Стукнуло ему тогда пятнадцать, и доступ к отцовскому снегоходу уже был, в принципе, разрешён. Правда, только с предварительным уведомлением отца. Но поскольку учителя-родители вели уроки, он решил быстренько смотаться в окрестности заброшенного на берегу Обской губы и почти забытого села Хэ. Хотел проверить петли на куропаток.

Петли эти называют ещё плёнками. По-русски можно применить и слово «силки». Это немудрящая конструкция из пары веточек и петли из лески, устроенная на созданном охотником снежном холмике. Куропатка, бродя по поверхности снега, объедает почки с торчащих из-под него молодых веток карликовой ивы. Попадая в петлю, она затягивает её, пытается вырваться и душит сама себя. Иногда цепляется ногой. Охотник находит добычу, как правило, в замороженном виде.

Поездка на охоту должна была занять около двух-трёх часов, и лёшино отсутствие работающие в школе родители не заметили бы. В общем, взял он «Буран» и полетел на место, которое в районе островов Сенные Пугора, что возле того самого, исчезнувшего села Хэ. Это почти сорок вёрст от дома. Не очень близко, но погода выдалась солнечная, потому на душе парня кипели радость и нетерпение: быстрее бы доехать!

А осень в том году прошла с долгим и сильным северным ветром, который нагнал много воды. Уровень её на Обской губе в октябре сильно поднялся, потом ударили морозы, и лёд установился на этом максимуме. На тех участках, где береговая полоса поросла ивняком и ольховником, лёд после спада воды остался висеть сплошным полем на этих кустах, как ни в чём не бывало. Вдобавок поверх выпал снег. В общем, создалась полная иллюзия того, что всё как обычно, без подвохов. Лёд как лёд, как и везде.

Впрочем, не имея особого опыта, он тогда не приглядывался, не анализировал, нужно было быстро проверить снасти на куропаток и махнуть обратно домой.

Начал смотреть петли, переезжает по путику от одной к другой. Собирает куропаток. Дело для пацана довольно интересное, ведь чувствует себя взрослым, добытчиком, кормильцем. И вдруг... лёд проваливается, и он с «Бураном» куда-то падает.

Даже испугаться не успел, как ухнул вниз метра на полтора. Там под ногами оказалась сухая мороженая земля, а вокруг него и над ним – лёд, снег

и кусты. Красиво, как в царстве Снежной королевы. Всё сияет, искрится. Кристаллы, красота, солнце сквозь снежный покров просвечивает.

Но пара минут пролетела, и на смену очарованию встал вопрос: как отсюда выбраться? Впрочем, сначала было, вроде бы, смешно. Давай он попробовать выезжать. Но по земле снегоход едет, а на лёд забраться не может. Если говорить коротко, то больше двух часов он ломал льдины на куски, подкладывал под «Буран». Куски эти постоянно разъезжались, Лёша сдавал назад, пытался сделать упор. Снова и снова. Плакал, молился, рассказывал Господу, как оказался в такой ситуации и вопрошал: за что?

Наверное, Бог ему помог, потому что в какой-то раз он выскочил из западни. Потом быстро-быстро собрался и помчал в посёлок. Все, конечно, были уже дома, и получил Лёша от родителей немного люлей. Впрочем, мама отнеслась к его отсутствию довольно спокойно, а вот папа отругал за то, что Лёша взял снегоход без спроса. Ведь «Буран» был для семьи чем-то священным, и просто так, без разрешения трогать его было нельзя.

Тем не менее, десятка полтора куропаток он тогда привёз и главное – живым остался.

К тому же это было не самое волнительное приключение. Год назад случилось нечто более драматическое. При том, что без спроса Лёша тогда ничего не делал.

Чтобы было понятнее, нужно пояснить, что в те годы всё, на десятки километров прилегающее к посёлку Кутопьюган, побережье Обской губы, а также низовья впадающих в неё речек были заняты избушками разных охотников. Местных и не совсем местных. Свободным оставалось только одно подходящее место.

Не доезжая примерно пять километров до Хэ и в полутора от Обской губы, есть два озера, в одном из которых водится белая рыба: приличного размера сырок и щёкур. Называют озеро Миссионерским, потому что до советской власти там православные миссионеры из села Хэ рыбу ловили. Рядом с этим озером – заброшенная буровая.

Свободной от рыбаков и охотников эта территория оказалась по той причине, что после весеннего спада воды добираться сюда крайне неудобно. Да и расстояние от ближайшего посёлка, как уже было отмечено, около сорока километров.

И вот, когда губа ещё не встала полностью, и подледным ловом добывать рыбу было пока рискованно, Алексей с папой поехали на то озеро проверить свои сети. Мороз держался ниже тридцати градусов. Пока ехали, в районе речки Танапчи задул сильный северный ветер, по губе пошёл треск, стало лёд поднимать. Поверх него в устье речки поперла вода.

Отцу и сыну пришлось уйти подальше к верховью, чтоб пересечь речку «посуху» и двигать потом дальше на восток. А вода через трещины во льду прибывала, просачиваясь сквозь белое покрывало всё более явной чернотой. Им пришлось топтать, приминать снег, уплотняя его, а мороз тут же прихватывал, сковывал делаемую мужиками «тропу».

В итоге им удалось сначала перегнать через речку снегоход, а потом перетащить и сани. Но поскольку оба были в простых валенках, то промокли сразу.

Преодолев ещё около двадцати пяти километров, попытались они доехать до балка, когда-то заброшенного у озера бурильщиками. Ноги нещадно мёрзли, нужно было обсохнуть, высушить обувь. Но пробиться до места не смогли и высоким берегом вернулись на полтора десятка километров назад, в Ярцанги - круглогодичное стойбище рыбаков.

Переночевали там, в ненецком чуме. Чья это была семья – Алексей не запомнил. Помнит только обличье хозяина лет около тридцати. Кстати, потом в этот чум они с отцом заезжали неоднократно с небольшими подарками. Каждый раз очень ненадолго, а то и вовсе не заходя на обязательное чаепитие. Неправильно, конечно, но как было, так было. Вечно торопились.

Теперь о главной сути...

Дело в том, что сети на озере уже стояли. И ещё папа параллельно с рыбалкой поставил в нескольких километрах от озера капканы на песцов, а также долго пытался поймать на них же лису. Но как бы он ни старался, предварительно даже вываривая капканы в можжевельнике и заматывая собственные следы лисьим хвостом, очень долго ничего не помогало. Обмануть рыжую удалось очень нескоро.

Поскольку отец всю неделю работал, то они могли ездить на проверку сетей только раз в неделю: в субботу или воскресенье. А за неделю лёд в майнах успевал намерзнуть порядочный, толщиной сантиметров тридцать. При этом диаметр майны был обычным, то есть около метра.

Стояло у них четыре порядка, так что долбить приходилось довольно много: пять этих самых майн.

Обычно приезжая на озеро, отец оставлял Лёшу у сетей, а сам отъезжал на путик проверять капканы. Пока отец ездил, парень должен был очистить майны от наметённого снега и по мере сил выдолбить лёд. Как правило, отец возвращался, когда Алексей успевал очистить все майны, выдолбить лёд на двух и долбил на третьей. С той минуты продолжали работу вместе.

Ну, так вот...

Добрались они до озера. Оставил его отец у сетей и уехал к капканам. Работает Лёша. Мороз не слабеет, но телу под многослойной одеждой не холодно. Зябнет только нос, да пальцы на руках, когда меховую варежку снимает, чтоб разгоряченные от работы сопли смахнуть.

Очистил майны от снега.

Долбит лёд на первой.

Потом на второй.

Вот уже и третью продолбил. Отца нет.

Вот уже всё ото льда очистил. Отца всё нет.

Лёша порядком устал. Ему же тогда не исполнилось ещё и пятнадцати лет.

Когда закончил работу на последней майне, оказалось, что первая уже замерзла. Опять долбить надо. В общем, ждать отца и ничего не делать было бессмысленным, и он начал проверять сети.

А одному это неудобно, да и сил у подростка немного. Но старался, мучился, временами отдыхал. В те годы не было у жителей посёлка теплых, прорезиненных перчаток, и некоторые действия приходилось вершить голыми руками. Например, выпутывать рыбу из сетей. Надо сказать, что на морозе за тридцать да притом с ветерком и позёмкой – это ещё то удовольствие. А распухшие и багровые кисти рук с лениво тающей на них позёмкой – ещё та картинка.

Как и всякий в подобных случаях Лёша периодически грел, покряхтывая, изломанные стужей и болью пальцы то под мышками, то в штанах, то на животе.

В итоге проверил все четыре сети. Потом разложил по разным кучкам, рассортировал рыбу на недавно пойманную и на ту, которая проторчала в сети несколько дней и теперь годилась только на корм собакам.

Наступали сумерки. Отца не видеть и не слышать, но не было у Алексея паники, ведь отец такой взрослый, большой и сильный. Что с ним станет? Приедет!

Тем не менее, устал он сильно, а с окончанием работы начал ещё и замерзать. Метрах в трёхстах от озера стоял наглухо, с окнами заметённый снегом балок. Разгрёб, распахал, разрыл он сугроб перед дверью, проник внутрь.

В балке было заметно теплее, чем на открытом ветрам пространстве. Под потолком, подальше от мышей висели в пакетике макароны, рис, лавровый лист. Еще он нашел чай. А дров было только на растопку, чуть-чуть. Без дополнительных дров, которые нужно откуда-то притащить, жилище не нагреть.

На полочке стояли жестяные банки, в том числе банка из-под кофе. Рядом полусгоревшая, оплывшая свечка. Набрал он в эту банку снега и на свечке вскипятил себе чая. Попил, согрелся, немного отдохнул. Но на душе, конечно, свербил, поэтому пошел по снегоходному следу искать отца.

Нужно сказать, что озеро от берега губы около пары километров. Берега его поросли ивняком, это излюбленные места куропаток, и потому у них там

стояли петли. Но важным это обстоятельство окажется потом. А сейчас было не до куропаток.

В общем, идёт он, идёт. Дошёл по следу «Бурана» до губы. Там никого. Пошел по следу дальше.

Приполярные дни в ноябре очень коротки. Их почти нет. И вот наступила ночь.

Луна светила ярко, и видно было неплохо, хотя начиналась позёмка, и с какого-то момента след оказался заметным. Пропал. Не стало его.

Куда идти? И возвращаться в балок сил у Алексея уже не было. Ведь целый день он сначала ехал, потом работал и ничего не ел. При этом холод стоял почти лютый и белое безмолвие вокруг.

Вернулся Лёша чуть-чуть назад. Вертит головой, дурные мысли начали в ней роиться. Спасла его лиственница, одиноко стоявшая среди редкого ивняка и чахлах берёзок. Нижние ветви её, как это всегда у лиственниц, были замшелыми и сухими, очень удобными для костра.

Позёмка не останавливалась. Утоптал парнишка снег под деревом немного, получилась ямка глубиной почти по пояс. Сел, чтоб хоть немного спрятаться от колючих снежных струй. Тут как-то горько ему стало, и он заплакал.

Спички лежали в нагрудном кармане штормовки под полшубком. Но руки замерзли настолько, что пальцы не гнулись и ничего не чувствовали. Оказалось, что не может он расстегнуть пуговицу на штормовке. Никак. Но плакать было бесполезно, и с трудом засунув кисти рук под одежду, прижал их Лёша к животу. Вскоре перемороженные суставы в ответ на тепло ответили ломящей болью.

Через несколько минут ощутил пацан, что пальцы ожили, обрели способность шевелиться. Лёша возобновил попытки и смог расстегнуть пуговицу, достать коробок из кармана. Потом долго не получалось взять спичку, поскольку обмороженные подушечки пальцев по-прежнему ничего не чувствовали. Спичинки выпадали из руки или ломались о коробок, но, наконец, с какой-то попытки ему удалось зажечь и спичку, и костерок. Он отламывал хрупкие на морозе ветки от ствола, подкладывал в огонь, кормил его небогатыми дровишками, делая всё больше и больше.

Сверху было холодно, а внизу, у огня стало тепло. Края снежного гнезда начали оттаивать, жар топил снег и под костром, отчего тот опускался всё ниже и ниже. Наконец, Алексей порядком отогрелся, и ему очень сильно захотелось есть. Просто дико захотелось. Сразу же вспомнил он, что рядом стоят петли на куропаток, которые под луной вполне возможно увидеть, тем более что устроены все они вдоль плотного, наезженного снегоходного следа. Вылез Лёша из ямы и, отойдя немного, уже на второй-третьей петле увидел

куропатку. Взял её, вернулся в яму с затухающим костерком. Подбросил новых веток.

Теребить замороженную птицу было невозможно, поэтому он прислонял тушку к углям, и когда перья обгорали, палочкой отскребал золу и копать от шкурки. Очистив таким образом грудку куропатки от перьев, жарил её на углях, периодически отгрызая то, что уже пропеклось. И понемногу грудку эту съел.

Слегка насытившись и согревшись, почувствовал, как его неодолимо приморило. О смертельной опасности сна в такой ситуации тогда не думал. И уснул.

Спал, наверное, недолго. А может, и порядочно. Проснулся от далёкого звука «Бурана». Кто на снегоходах ездил, тот знает, что на ровной дороге они гудят монотонно, а на снежных барханах звук как-бы прерывается. Услышав это, он проснулся.

Стояло безветрие, на морозном небе царствовала луна, за пределами её ореола висели крошечными, мёртвыми огоньками звёзды. Но главное, что вдали светил, перемещался, подрагивая и плавая вверх-вниз тёплый огонёк фары снегохода.

Светилось на прибрежном зимнике к Шуге и Хоровой. Лёша не знал, кто едет, но то было неважно. Выскочив из своего убежища, побежал плохо работающими ногами наперерез. На снегоходе оказался отец.

Конечно, случилась истерика и слезы. Лёша набросился на отца, дубася того кулаками в грудь. Папка обхватил сына, прижал, успокаивая. Не очень быстро это получилось, но, наконец, первые эмоции паренька прошли. Отвалившись, наконец, от отца, под его убаюкивающую речь Лёша ещё некоторое время шмыгал носом и немного поскуливал. Потом притих.

Оказалось, что, свернув днём немного с путика в пяти километрах от озера, отец провалился в кустах, и снегоход повис на пухляке. Всё это время он не мог сдвинуться с места. Так что случились и у него невесёлые приключения.

Потом съездили они на озеро, погрузили рыбу. Лёша лег на оленью шкуру в санях, укрылся тентом. Поехали домой.

А маме эту историю они решили не рассказывать.